

**В поисках самоуправления и самодостаточности:
общины обских угров в 1990-е годы**

И. В. Абрамов

*Тюменский государственный университет,
г. Тюмень, Российская федерация,
Институт истории и археологии Уро РАН,
г. Екатеринбург, Российская федерация
ilya_abramov@list.ru*

АННОТАЦИЯ

Введение. На рубеже 1980–1990-х гг. национальные общины выделялись перспективным инструментом поднятия уровня жизни малых народов Севера и реформирования административного устройства Ханты-Мансийского округа. В перспективе общины должны были заменить неэффективные колхозы и сельские советы на территориях исконного проживания обских угров. Такие преобразования требовали создания правовой базы коренных народов, дееспособных представительств на всех уровнях власти, просвещения и агитации жителей сельской глубинки.

Цель: определить значение общин народов Севера в национальной политике ХМАО-Югры 1990-х гг.

Материалы исследования: архивы комитетов по делам народов Севера и дела ассоциации коренных народов «Спасение Югры» 1989–2000 гг.

Результаты и научная новизна. Впервые изучены проекты и решения Ханты-Мансийского округа в области традиционного природопользования в 1990-е гг. Показана роль специально созданных структур, в частности Комитета по делам народов Севера. В 1992 г. общины коренных жителей получили право арендовать землю под традиционное природопользование. Однако они не обрели властных полномочий и права распоряжаться природными ресурсами вместо государственных инстанций. Не были поддержаны проекты по замещению сельских советов национальными общинами. Эффективность созданных общин оставалась низкой всё десятилетие. Федеральные программы развития Севера хронически недофинансировались. К 2000 г. общины подошли со скромными показателями занятых жителей, экономически держались на кредитах и субсидиях государства. Однако накопленный опыт позволял без иллюзий смотреть в будущее и браться за более реалистичные и финансово обеспеченные проекты.

Ключевые слова: общины народов Севера, традиционное природопользование, Западная Сибирь, индигенное самоуправление

Для цитирования: Абрамов И. В. В поисках самоуправления и самодостаточности: общины обских угров в 1990-е годы // Вестник угроведения. 2023. Т. 13. № 3 (54). С. 520–529.

**In search of self-government and self-sufficiency:
indigenous communities of West Siberia in the 1990s**

I. V. Abramov

*Tyumen State University,
Tyumen, Russian Federation,
Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russian Federation,
ilya_abramov@list.ru*

ABSTRACT

Introduction: at the turn of the 1980s–90s, national communities were seen as a promising tool for raising the standard of living of the small peoples of the North and reforming the administrative structure of Khanty-Mansiysk Okrug. In the future, the communities were to replace inefficient collective farms and village councils in the territories of the ancestral residence of the Ob Ugrians. Such transformations required the creation of a legal base of indigenous peoples, capable representative offices at all levels of government, education and agitation of residents of rural hinterland.

Objective: to determine the significance of the communities of the peoples of the North in the national policy of Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra in the 1990s.

Research materials: archives of the Committees for the Affairs of the Peoples of the North and materials of the Association of Indigenous Peoples “Yugra Rescue” in 1989–2000.

Results and novelty of the research: for the first time the projects and solutions of Khanty-Mansiysk Okrug in the field of traditional nature management in the 1990s were studied. The role of specially created structures, in particular the

Committee for the Affairs of the Peoples of the North, is shown. In 1992, indigenous communities were granted the right to lease land for traditional nature management. However, they have not gained authority and the right to dispose of natural resources instead of state authorities. Projects to replace village councils with national communities were not supported. The effectiveness of the established communities remained low throughout the decade. Federal programs for the development of the North have been chronically underfunded. By 2000, the communities came up with modest indicators of employed residents; economically they were supported by loans and subsidies from the state. However, the accumulated experience allowed them to look into the future without illusions and take on more realistic and financially secure projects.

Key words: Northern communities, traditional nature management, Western Siberia, indigenous self-government

For citation: Abramov I. V. In search of self-government and self-sufficiency: indigenous communities of West Siberia in the 1990s // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2023; 13 (3/54): 520–529.

Введение

В 1989 г. в Тюменской области в два этапа прошёл Самотлорский практикум. Ему предшествовал опрос жителей Тюменской области на тему положения коренных народностей Севера. Критическим положение признали 92 % из 2,5 тыс. опрошенных; полный разбор общественного мнения приведён в материалах практикума «Освоение без отчуждения» [13, II, 27–30]. К экспертному обсуждению были предложены три модели политического решения проблемы: невмешательство, заповедная зона и культурная ассимиляция [13, I, 3–5]. Крайние модели вызвали сильную критику, перспективной виделась только модель заповедной зоны, которую следовало развивать, избегая прямых аналогий с резервациями Америки. Громко прозвучал тезис, что у экспертов нет права решать за народы Севера – надо обеспечить народам Севера возможность референдума и самоуправления. С другой стороны, невозможно оставить без опеки, поскольку советский патернализм задавил всякую инициативу.

Этнографы из группы «Тревожный Север» [4, 81–83] считали, что районам проживания малых народов Севера необходим статус реальных автономий, новая законодательная база и целевая поддержка традиционных отраслей, минуя советские структуры. При таком подходе не обойтись было без детального описания домохозяйств по образцу Приполярной переписи 1926–27 гг. Эти и прочие идеи легли в основу концепции, получившей название нового традиционализма. «Неотрадиционализм – это в первую очередь политика развития общин народов Севера» [12, 32]. «Самоуправление – это средство обретения коренными народами утраченного контроля над вопросами, которые влияют на их жизнь» [19, 38].

На втором этапе практикума в июне 1989 г. эксперты из разных сфер и представители коренных

народов в формате деловой игры защищали три предложенные ранее модели. Однако тезисы первого секретаря Ханты-Мансийского округа В. А. Чурилова уже содержали план действий на ближайшие годы [13, II, 24–25]. Через месяц после игр он запустил Фонд развития территорий проживания народов Севера (коротко – Северный Фонд). Наполнять его обязались нефтегазодобывающие предприятия округа. Окрисполком получил право исключать из индустриального оборота земли по ходатайству сельских советов с обязательным учётом мнения коренных жителей. Механизма учёта мнений ещё не существовало, но треть территории национального округа зарезервировали под природопользование народов Севера специальным указом. Во всех районах округа появились филиалы ассоциации «Спасение Югры». Через ассоциацию обские угры наконец обрели свой политический голос. Главной целью они обозначили установление самоуправления с дальнейшим определением приоритетов своего развития. Сегодня такое целеполагание зовётся индигенным, но тогда даже словосочетание «коренные народы» резало слух. В ходу было словосочетание «малые народности Севера», которое весьма точно передавало положение в семье советских народов [20; 23]. Несмотря на наличие национального округа¹ ханты и манси не имели полномочий, которые бы проистекали из статуса «землеобразующих» народов. Всю советскую эпоху они оставались юридически безземельными.

Главным достижением «Спасения Югры» стало Положение о статусе родовых угодий 1992 г. Аборигены и старожилы получили право бесплатного наследуемого владения землёй и биоресурсами для ведения традиционного хозяйства. Заявить право на угодье могли отдельные граждане, семьи или общины – добровольного объединения граждан, семей, ведущих традиционный образ жизни и связанных между собой

¹ С 1978 г. Ханты-Мансийский национальный округ был преобразован в Ханты-Мансийский автономный округ (ХМАО). Далее по тексту сокращено до Округа.

необходимостью сохранения условия традиционного проживания [6, 311]. Таким образом, территориально-соседский принцип объединения ставился во главу. Однако за общинами в Югре закрепилось название родовых. Община наделялась правами юридического лица по закону «О местном самоуправлении в РСФСР». Местные советы обязывались помогать инициативным гражданам в подаче заявок. Главную тяжесть заботы брали на себя районные комитеты по делам народов Севера. На общины, занятые традиционным хозяйством было распространено действие закона РСФСР «О крестьянском (фермерском) хозяйстве». Не хватало лишь нормативного акта, регулирующего деятельность общин.

Материалы и методы

Главный корпус источников составляют документы комитетов по делам народов Севера (Ханты-Мансийск, Берёзово) и материалы ассоциации «Спасение Югры» 1990-х гг.

Статья построена на сравнительном анализе архивных материалов и публикаций о путях развития экономики коренных народов Ханты-Мансийского округа. В фокусе исследования западные (мансийские) районы Югры, обделённые вниманием антропологов в 1990-е гг. Лишь в 2000-е гг. выжившие общины попали в поле зрения Е. Г. Фёдоровой [17]. Е. П. Мартынова обобщила деятельность общин и фермерских хозяйств Северного Приобья с точки зрения эволюции аборигенного предпринимательства [10]. Общинное самоуправление хантов в 1990-е годы осветили западные исследователи как эпизод борьбы с нефтяниками за суверенитет [21; 24]. О. Э. Балалаева в отдельной статье разобрала судьбу хантыйской общины «Яун-Ях» [3].

Результаты

Первая половина 1990-х годов. Комитет Севера отправил осенью 1993 г. проект Положения об общинах на рецензию юристу В. А. Кряжкову. Из ответа ясно, какие правовые противоречия возникли на пути разработчиков¹. В частности, невозможность самоуправления территорией на принципе добровольного объединения граждан по этническому признаку. Институт власти требовал всеохватных выборов и представительства,

– механизма легитимизации большинством населения. Тем временем, общины и прочие национальные объединения уже существовали на разных правовых основаниях, и на первый план выдвинулись экономические проблемы.

Владимир Михайлович Куриков (родом из Берёзовского района, ханты), считал, что фундаментом в системе самоуправления является община. «Это та территория, где компактно проживает коренное население, и ряд функций, которые возложены сегодня на сельский Совет, она возьмёт на себя» [7]. В конце 1989 г. Куриков возглавил крошечный Комитет по вопросам экономики и культуры народов Севера, а чуть позже занял пост заместителя председателя окружного исполкома. Он разработал Положение о Северном фонде, который структурно подчинялся Комитету. Последний воспринимался как часть будущей системы самоуправления, ведь общины не могли сами решать вопросы связи, строительства, газификации и пр.

При поддержке Курикова были созданы районные отделы по вопросам малочисленных народов Севера – главные проводники национальной политики на местах. Туда набирали работать представителей титульных народов. С 1990 г. в окружной Совет вошли 13 депутатов из числа обских угров, появилась должность заместителя председателя по делам коренных малочисленных народов Севера (КМНС). Возникла аборигенная ветвь власти, наделённая реальными полномочиями и ресурсами, в отличие от профанаций советских лет. Возник шанс на переформатирование административно-территориального уклада Округа.

Берёзовский район выглядел самым перспективным кандидатом для этноформирования. Несмотря на первенство в открытии сибирского газа, район оказался беден углеводородами, что определило его промышленную неразвитость и транспортную изоляцию. Нетронутыми остались кедровые леса, олени пастбища и богатые рыбой водоёмы. При общей численности Берёзовского района около 30 тыс. человек в 1991 г., народы Севера составляли в нём 5,4 тыс. человек (18 %)². Доля проживающих в сельской местности составляла около 45 %. По этим показателям Берёзовский район заметно выделялся

¹ Государственный архив Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (ГАХМАО). Ф. 418. Оп. 1. Д. 23 (Материалы о фирме «Лэпас» (Положение о фирме, банковского обязательство, акт проверки) 1991–1994 гг.). Л. 2.

² Архив администрации Берёзовского района (ААБР). Ф. 72. Оп. 1. Д. 6. (Документы Берёзовского комитета по делам МНС 1991–1992 гг.). Л. 4.

на региональном фоне с 90 % уровнем урбанизации и 2 % народов Севера в составе населения. Неудивительно, что он представлялся многим как своего рода этноэкологический резерват¹.

По мнению Курикова, Северный фонд должен был включить в себя территориальные корпорации аборигенов под управлением наёмных профессионалов, подотчётных совету директоров [9, 5]. Таков был путь Аляски и Канады [19]. О необходимости интегральной хозяйственной структуры, выполняющей функции квази-органа местного самоуправления, писал географ-северовед А. Н. Пилясов: аборигенные домохозяйства и предприятия становятся акционерами национальной районной корпорации, образуя сеть связанных центров [15, 469–470]. Регулярно вспоминали и удачные решения советской власти по развитию кооперации в малонаселённых областях 1930-х годов [15, 97]. По мысли Курикова, фактории нового образца должны стать коллективной собственностью этноса очерченной территории, либо паевой собственностью ряда хозяйств [8, 84]. К идее возрождения факторий окружная власть обратилась во второй половине 1990-х годов. Создать же зонтичную структуру на коммерческих рельсах попробовали уже в 1991 году.

Ассоциация «Спасение Югры» учредила в Берёзовском районе национальную кооперативную фирму «Лэпас»². Целью было построение независимой экономической инфраструктуры посредством фермерских хозяйств, кооперативов и национальных общин. Сохранился проект постановления Совета министров СССР по утверждению полномочий фирмы. Они распространялись не только на традиционные виды деятельности, но и на разработку полезных ископаемых, лесопользование, авиаперевозки и учреждение банков. Проект аннулировал ведомственные инструкции, акты и правила, касающиеся охоты и рыболовства с 1 октября 1991 г. Фирма получала право предоставлять аборигенам выход из госпредприятий, кооперативов и колхозов и освобождалась от всех видов налогов и сборов. В Берёзово следовало открыть депозитный банк будущих поколений, который бы пополняли Минфин, Госэкономика, Госкомсевер. Фирма становилась представителем коренных

народов в решениях по отводу земельных участков под промышленное строительство³. Приложение к проекту содержит внушительный список техники (одних тракторов 50 штук) и оборудования на 1991 г., которые Совет Министров СССР должен выделить фирме из резерва. Известно, был ли утверждён проект в такой именно редакции, но фирма «Лэпас» в Берёзовском районе появилась.

Чурилов считал этноренессанс объективным и неизбежным процессом, и потому взял шефство над процессом коренизации. Важным было, что аборигенная повестка работала на выделение автономного округа из состава Тюменской области. Но этноидеологией пользовались и конкуренты. В 1992–1993 гг. попытку присоединения западных районов ХМАО к Свердловской области совершила группа уральских политиков во главе с А. А. Баковым. Поводом было воссоздание исторической Мансийской республики, а истинной причиной – нефтепромыслы Кондинского района [2].

В 1991 г. «Этнографическое бюро» А. В. Головнёва (Тобольск) получило заказ на разработку программы социально-экономического развития Сосьвинского сельсовета Берёзовского района. Цель – исследовать перспективы хозяйственного саморазвития коренного населения для окружного комитета по экономической реформе. Разработку инициировали уважаемые манси, один из которых Леонид Тарасович Костин был председателем комиссии по делам народов Севера Берёзовского совета.

Публичным результатом исследования стала коллективная монография [16]. Её завершает раздел «Проект системы общественно-го самоуправления», где проблематизируется перспектива создания этнической статусной территории (ЭСТ) на базе Сосьвинского сельсовета. ЭСТ представляет собой объединение территориальных (сельских) общин, которые должны подняться на базе каждого из мансийских посёлков. Совет ЭСТ состоит из глав этих общин и имеет полномочия района [16, 65–67]. По мысли авторов, усиление и рост самых сильных родовых общин создаст посылы для нового социального образования – этнической статусной территории. Предвосхищая и ускоряя события,

¹ ГАХМАО. Ф. 418. Оп. 1. Д. 90.

² ГАХМАО. Ф. 418. Оп. 1. Д. 23. Л. 1-2.

³ ГАХМАО. Ф. 418. Оп. 1. Д. 23. Л. 1..

Округу следует принять Положение об ЭСТ. Истоки усиления общин авторы искали в традиционных секторах экономики, в ликвидации ведомственных монополий на ресурсы и поддержке экономических инициатив местных жителей. Опасность видели в люмпенизации коренного населения, что показали полевые исследования. После Сосьвы «Этнобюро» разработало проект ЭСТ на Казымской земле в соседнем Белоярском районе. Проследить влияние этих двух проектов на действительность не удалось.

Ассоциация «Спасение Югры» через отделы Севера стимулировала создание национальных предприятий, обещая через них обеспечить снабжение и сбыт. Отдел Севера Берёзовского района вёл активную работу со всеми поселениями, формируя список необходимого для развития. Список оборудования на четыре года вперёд говорил о больших планах¹. Быстро обозначились проблемы: отсутствие инфраструктуры, финансов и управленческих навыков². Вскрылось двойное использование угодий – старыми и новыми арендаторами. К концу 1991 г. в Берёзовском районе было восемь национальных кооперативов и четыре общины. Дееспособными оказались только три кооператива и одна община. Ещё четыре национальных деревни изъявили желание создать общины с «родовыми» угодьями³.

Уже к концу 1992 г. общины стали восприниматься как сообщество близких друг другу пайщиков, которые самоорганизуется для промыслов на родовых угодьях. В Берёзовском районе приоритет получали заявки поселковых общин в противовес восточным районам ХМАО, где возобладал семейный (родовой) принцип. Общины манси получали угодья на пять лет с правом продления. Угодья воспринимались как промысловые (охотничьи или рыболовные) участки, а не семейные гнёзда для круглогодичной жизни, что и отразилось в режиме пользования [1]. Участок в пожизненное пользование обещали переоформить после принятия федерального закона о родовых угодьях⁴. Возникающие

безземельные общины сразу заявляли на угодья, чтобы обзавестись ресурсной базой. Не всем это удавалось. К 1997 г. в Берёзовском районе было всего десять объединений с родовыми угодьями (рис. 1).

При посредничестве ассоциации «Спасение Югры» община «Сыгва» получила рекордные 720 тыс. га, а общине «Кимкьясуй» выделили 630 тыс. га из государственного лесного фонда⁵. «Сыгва» объединила 40 семей, а община «Кимкьясуй» 22 семьи⁶. В их распоряжение перешли угодья, где те же семьи ранее промышляли по договору с Берёзовским коопзверопромхозом (КЗПХ).

Фирма «Лэпас» должна была заменить КЗПХ в снабжении охотников и приёмке продукции. Но все 1990-е годы коопзверопромхоз продолжал скупать пушнину у охотников, снабжая взамен боеприпасами и выдавая на сезон промысловое оружие⁷. Монополистом остался рыбокомбинат в Берёзово (после приватизации – АО «Сибирская рыба») с сетью рыбучастков и приёмных пунктов по всему району. Он перепродавал рыбу общин в 5–10 раз дороже приёмной цены, что вызывало критику со стороны комитета малочисленных народов Севера (МНС), который субсидировал рыбалку общин⁸.

Освобождение от налогов нацпредприятий также оказалось частичным: убрали подоходный налог, но остались взносы в пенсионный фонд и медицинское страхование⁹. Стартовый капитал в 10–15 млн. рублей дробился банком на пять лет и выдавался по конкретным статьям расходов. Даже если у общины был умелый бухгалтер (по тем временам большая редкость!) накладные расходы и инфляция съедали бюджет. Телефонная связь была только у администраций, сильно ограничивая коммуникацию в сельской местности. К середине 1990-х гг. снабжение удалённых сёл ухудшилось настолько, что отделы МНС с планов развития переключились на обеспечение людей сапогами, бензином и мукой. Если смотреть шире, реформаторские инициативы натолкнулись на инертность советской системы

¹ ААБР. Ф.72. Оп.1. Д. 6. Л. 13, 22–24.

² ААБР. Ф.72. Оп.1. Д. 6. Л. 12.

³ ААБР. Ф.72. Оп.1. Д. 6. Л. 5, 11.

⁴ ААБР. Ф.72. Оп.1. Д. 14 (Документы (заявления, постановления и карты родовых угодий) Берёзовского комитета по делам МНС 1993–1994 гг.).

⁵ ААБР. Ф. 72. Оп.1. Д. 14. Л. 40–44.

⁶ ААБР. Ф. 72. Оп. 1. Д. 18 (Документы Берёзовского комитета по делам малочисленных народов Севера 1995–1996 гг.). Л. 23–24.

⁷ ААБР. Ф. 72. Оп. 1. Д. 18. Л. 7.

⁸ ААБР. Ф. 72. Оп. 1. Д. 18. Л. 10.

⁹ ГАХМАО. Ф. 418. Оп. 1. Д. 57. Л. 16.

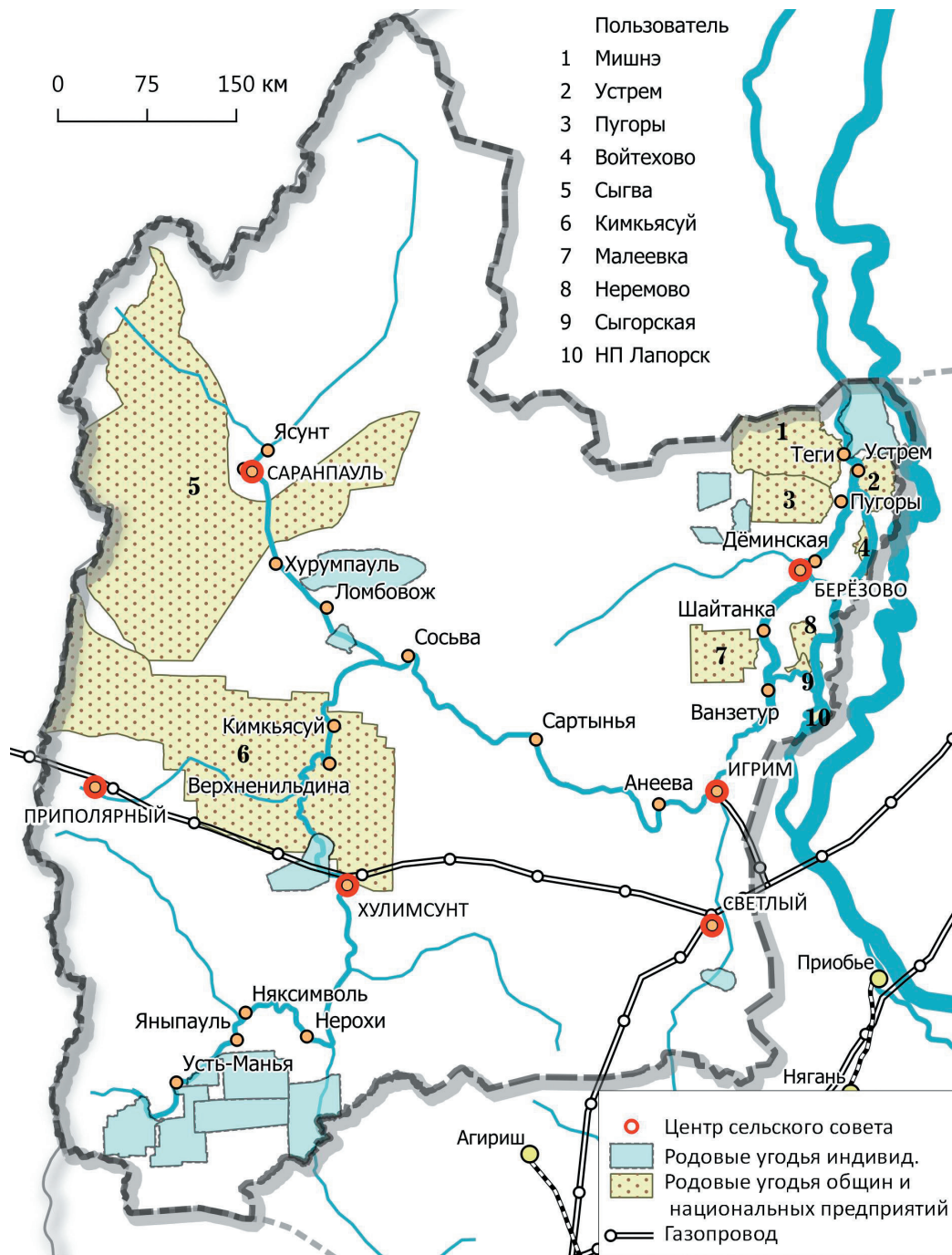

Рис. 1. Родовые угодья Берёзовского района Ханты-Мансийского автономного округа, 2000 г.

хозяйствования и подводные камни рыночной эпохи, которые сложно было предвидеть заранее.

На фоне нарастающих проблем в традиционной экономике, Ханты-Мансийский округ принял в 1995 г. закон «Об общих принципах организации местного самоуправления». Общину признали формой организации коренных народов, но самоуправление ограничили родовыми угодьями¹.

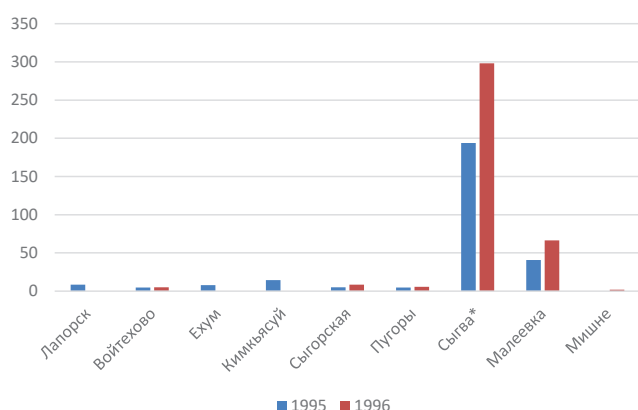
Делегаты V съезда КМНС ХМАО тщательно ходатайствовали о распространении общинного самоуправления на уровень сельсоветов и районов².

Размер финансирования общин зависел от социального веса и связей их председателей (рис. 2). Например, общину «Малеевка» организовал известный мансийский писатель Юван Шесталов. Проект оказался утопической стройкой

¹ Пункт 3. Ст. 4 закона ХМАО Об общих принципах организации местного самоуправления в Ханты-Мансийском автономном округе. URL: <https://docs.cntd.ru/document/991002811>.

² ГАХМАО. Ф. 418. Оп. 1. Д. 58 (Документы V съезда КМНС округа. Ханты-Мансийск, 7–8 июня 1995 г.). Л. 41.

этнодеревни и замер сразу после освоения последнего транша. Община «Сыгва», несмотря на прямую связь с руководителем «Спасения Югры», не нашла языка с рядовыми общинниками, раскололась и закончила банкротством в начале 2000-х гг. Большую устойчивость проявили те общины, где местные лидеры обладали высоким кредитом доверия односельчан и предлагали реалистичные модели развития. Такими оказались общины «Кимкьясуй», «Пугоры», «Войтехово», где даже при смене председателей, удалось сохранить рабочий ритм [17]. Далее они в приоритетном порядке получали стройматериалы, снегоходы и боеприпасы¹.

* из них 200 тыс. руб. в 1996 г. – кредит под досрочный завоз товара

Рис. 2. Государственные инвестиции в общины МНС Берёзовского района ХМАО в 1995–1996 гг. (тыс. руб.)²

Вторая половина 1990-х годов. Проблемы коренных народов лишь усугубились за пять лет реформ. Уровень безработицы среди представителей МНС вырос до 31%, половина людей проживала в аварийном жилье, традиционная экономика продолжала падать, а средства по федеральным программам не поступали. Если в 1995 г. администрация ХМАО получила от Госкомсевера 99% полагающихся средств, то в 1996 – 8 % от запланированной суммы, в последующие годы

1–2% [8, 82]. В структуре расходов Северного фонда в 1996–1997 гг. социальные нужды заняли 65–70 %, развитие производства 25–30%.

Одной из действующих мер поддержки селян стал механизм дотирования охоты и собирательства через общины и национальные предприятия. Сдавать дичь и дикоросы могли все жители, вне зависимости от национальной принадлежности³. Но общую картину это мало изменило: к концу 1997 г. в ХМАО действовало 85 национальных предприятий с общим числом занятых 1572 человек. Вклад Берёзовского района составил 11 предприятий, где трудились всего 322 человека⁴.

Округу не хватало системы, которая бы заменила советскую модель закупок и снабжения в традиционном секторе. В Комитете по делам МНС обособили экономическо-правовой отдел – Корпорацию регионального развития, который занялся темой факторий⁵. В Берёзовском районе эту тему продвигал А. И. Пермьяков, бывший руководитель фирмы «Лэпас», ставший в 1996 г. главой района. Он реорганизовал существующее с 1992 г. в Игриме акционерное общество «ПАСК» в Региональную корпорацию развития традиционного хозяйствования коренных народов Севера. Часть общин приобрела акции общества и вошла в совет директоров. Общинники строили дома по госпрограмме «Жильё аборигенам» [14, 72–73]. На съездах и конференциях Пермьяков рекламировал корпорацию как искомое звено между производителем и рынком сбыта продукции. Ему возражали, что частная фирма не может заменить государство на уровне округа⁶. Как минимум до 2000 г. «ПАСК» получал дотации от агропромышленного комплекса округа как предприятие традиционного сектора⁷.

Обсуждение и заключение

Из всех функций, которые вкладывали в общины коренных народов Севера на рубеже 1980–1990 гг., реализовалась только экономическая. Идея об общинах как форме самоуправления территорий и альтернативе сельсоветам

¹ ААБР. Ф. 72. Оп. 1. Д. 18. Л. 19.

² Составлено по материалам Берёзовского комитета по делам народов Севера: ААБР. Ф. 72. Оп. 1. Д. 18. Л. 19.

³ ГАХМАО. Ф. 418. Оп. 1. Д. 86 (Документы окружного совещания руководителей национальных общин, предприятий ХМАО 11.11.97). Л. 30–34.

⁴ ГАХМАО. Ф. 418. Оп. 1. Д. 86. Л. 41.

⁵ ГАХМАО. Ф. 418. Оп. 1. Д. 86. Л. 44.

⁶ ГАХМАО. Ф. 418. Оп. 1. Д. 55 (Протоколы, выписки из конференций отделений ассоциации «Спасение Югры» 17.02.1995 – 14.02.1997). Л. 19.

⁷ ААБР. Ф. 72. Оп. 1. Д. 38 (Переписка Берёзовского комитета МНС с вышестоящими органами власти по вопросам проживания малочисленных народов Севера, развития территорий. 2000 г.). Л. 6–7.

не получила должной правовой проработки и политической поддержки. Продвинуть этническое самоуправление на уровень сельсоветов и райсоветов не получилось. Удалось только Якутии¹. При этом самоуправление ряда поселковых общин («Кимкьясуй», «Сыгва») в границах родовых угодий можно признать успешным. Они получили прочную основу для традиционной деятельности.

Помимо хронического недофинансирования госпрограмм, остро не хватало интегральной системы хозяйствования, в которую вписались бы общины. Создать окружную структуру за десять лет так и не удалось, а коммерческие фирмы не могли её заменить. В бизнес ушли даже те организации, которые изначально учреждались в интересах коренных народов. Ханты-Мансийский банк возрождения и развития народов Севера отбросил вторую часть названия и стал просто банком [8, 94].

К 2001 г. в Берёзовском районе было 22 общины, но из них только 10 рабочих². Безземельные общины не смогли наладить работу и были постепенно закрыты по искам налоговых органов³. Невозврат кредитных средств сильно подорвал доверие чиновников к общинникам.

В 2000 г. в общинах Берёзовского района трудилось порядка 150 человек из 3944 трудоспособных представителей КМНС, то есть чуть меньше 4 %. При этом официально безработны-

ми в районе числилось 545 коренных жителей Севера!⁴ Эти красноречивые цифры указывают на незначительную социально-экономическую роль общин.

Средняя община насчитывала 20 человек, на 80 % состоя из обских угров. Главной проблемой общин была выраженная сезонность основного промысла, привязанного к ходу белой рыбы или пушной охоте. Оплачивались лишь 2–3 месяца в году, на остальное время приходилось искать другую работу. Самым выгодным делом общинники считали стройку [5, 28]. Вторым пунктом по рентабельности была переработка леса. Лишь третье место занимали лесные промыслы: охота, сбор дикоросов. Рыболовство было ведущей отраслью общин обской поймы и низовий Северной Сосьвы [11].

Общины обских угров держались на плаву за счёт дотаций, которые в рыбалке составляли 75 % от суммы реализации рыбы в 2000–2001 гг. То есть на каждый заработанный рубль община из Северного фонда получала 75 копеек сверху⁵. Комитет МНС компенсировал покупку отечественных снегоходов и лодочных моторов, покрывал траты на расходные материалы. Эти меры позволяли остаться на плаву, но не развиваться. В 2000-е гг. Округом была предпринята очередная попытка перезапустить общины, чтобы вывести традиционную экономику из затяжного кризиса.

Список источников и литературы

1. Абрамов И. В. Родовые угодья без родовиков – отражение политики традиционного природопользования (на примере западных районов ХМАО–Югры) // Вестник антропологии. 2021. № 2. С. 324–339.
2. Абрамов И. В., Антоненков Д. Е. Мансийская республика. Как в девяностые Антон Баков и Эдуард Россель присоединяли нефтяные земли ХМАО // Современный портал Екатеринбурга – 66.ru. 31.03.2020. URL: <https://66.ru/news/politic/229174/> (дата обращения: 25.05.2023).
3. Балалаева О. Э. Общинное движение в Сургутском районе и община «Яун-Ях» // Северный регион: наука, образование, культура. 2014. № 1. С. 35–43.
4. Вахтин Н. Б. Коренное население Крайнего Севера Российской Федерации. СПб.: Изд-во Европ. Дома, 1993. 95 с.
5. Гындыбин М. И. О деятельности родовых общин Березовского района // Материалы расширенного заседания Ассамблеи представителей КМНС Думы ХМАО 17 июня 2003 года. Ханты-Мансийск: [б. и.], 2003. С. 28–29.
6. Кряжков В. А. Статус малочисленных народов России. Правовые акты и документы. Москва: Юрид. лит., 1994. 488 с.
7. Куриков В. М. Управление аборигенами – дело рук самих аборигенов // Новости Югры. 26.06.1993.
8. Куриков В. М. Ханты-Мансийский автономный округ: с верой и надеждой – в третье тысячелетие. Екатеринбург: Зевс, 2000. 192 с.

¹ В Якутии территории традиционного природопользования были созданы в границах административных районов с доминированием КМНС [22]. Однако власть юкагирских суктулов не обрела свойств общественной в понятиях конституционного права. Основная их миссия заключается в противостоянии угрозам ассимиляции [18].

² ААБР. Ф. 72. Оп. 1. Д. 44 (Документы Берёзовского Комитета по вопросам МНС за 2001 год). Л. 6, 81.

³ ААБР. Ф. 72. Оп. 1. Д. 44. Л. 6.

⁴ ААБР. Ф. 72. Оп. 1. Д. 38. Л. 5.

⁵ ААБР. Ф. 72. Оп. 1. Д. 44. Л. 73, 76.

9. Куриков В. М. О создании структуры управления экономическим базисом малочисленных народов Севера // Материалы III Югорских чтений (Ханты-Мансийск, 26–27 апр. 2000 г.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. С. 3–6.
10. Мартынова Е. П. Аборигенное предпринимательство в Северном Приобье // Вестник антропологии. 2019. № 2. С. 72–85.
11. Мартынова Е. П. Традиционные отрасли хозяйства обских угров: современные адаптивные стратегии в рыночной экономике // Вестник угроведения, 2017. Т. 31 (4). С. 119–130.
12. Пика А. И., Прохоров Б. Б. Неотрадиционализм на Российском Севере (этническое возрождение малочисленных народов Севера и государственная региональная политика). М.: Ин-т народнохозяйственного прогнозирования РАН, 1994. 224 с.
13. Освоение без отчуждения. Материалы экспертного опроса / под ред. В. И. Бакштановского. Тюмень: Препринт ИПОС СО АН СССР, 1989. Вып. 1. 35 с.; Вып. 2. 40 с.
14. Пермяков А. И. Совершенствование организационных форм традиционных видов деятельности малочисленных народов Севера // Материалы межд. конф. «Коренные народы. Нефть. Закон» (Ханты-Мансийск, 23–25 марта 1998 года). М.: ФКХ Лтд, 2001. С. 71–74.
15. Пилясов А. Н. И последние станут первыми. Северная периферия на пути к экономике знания. М.: Либроком, 2009. 544 с.
16. Северная Сосьва (исторические и современные проблемы развития коренного населения). Шадринск: Исеть. 1992. 76 с.
17. Фёдорова Е. Г. Национальные общины Средней Сосьвы и их создатели // Этнокультурное наследие народов Севера России: К юбилею доктора исторических наук, профессора З. П. Соколовой. М.: Август Борг, 2010. С. 203–210.
18. Филиппова Н. А. Асимметричная организация местного самоуправления как фактор участия в нем сообществ коренных малочисленных народов России // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2021. Т. 7. № 3 (27). С. 98–115.
19. Фонда Г. Со-управление, потенциал сообщества и самоуправление // Люди Севера: права на ресурсы и экспертиза. Серия: Исследования по антропологии права / отв. ред. Н. И. Новикова. М.: Стратегия, 2008. С. 38–55.
20. Хирш Ф. Империя наций: Этнографическое знание и формирование Советского Союза. [Пер. с англ.]. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 472 с.
21. Balzer M. The tension between might and rights: Siberians and energy developers in post-socialist binds // Europe-Asia Studies. 2006. Vol. 58. № 4. Pp. 567–588.
22. Fondahl G., Parlato N., Filippova V., Savvinova A. The Evolution of Forming “Territories of Traditional Nature Use” in the Sakha Republic (Iakutiia) // Sibirica. 2021. Vol. 20. № 1. Pp. 1–27.
23. Slezkine L. Y. Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North. Ithaka: Cornell University Press, 1994. 476 p.
24. Wiget A., Balalaeva O. National Communities, Native Land Tenure and Self-Determination Among the Eastern Khanty // Polar Geography. 1997. Vol. 21. № 1. Pp. 10–33.

References

1. Abramov I. V. *Rodovye ugod'ya bez rodovikov – otrazhenie politiki traditsionnogo prirodopol'zovaniya (na primere zapadnykh rayonov KhMAO – Yugry)* [Territories of traditional nature use without indigenous users as a reflection of the policy of traditional nature management (on the example of the Western Districts of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra)]. *Vestnik antropologii* [Bulletin of Anthropology], 2021, no. 2, pp. 324–339. (In Russian)
2. Abramov I. V., Antonenkov D. E. *Mansiyskaya respublika. Kak v devyanostye Anton Bakov i Eduard Rossel' prisoedinyali neftnyanye zemli KhMAO* [The Mansi Republic. How Anton Bakov and Eduard Rossel annexed the oil lands of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug in the 1990s]. *Sovremennyy portal Ekaterinburga – 66.ru* [Modern Portal of Yekaterinburg – 66.ru]. Available at: <https://66.ru/news/politic/229174/> (accessed May 25, 2023). (In Russian)
3. Balalaeva O. E. *Obshchinnoe dvizhenie v Surgut'skom raione i obshchina "Yaun-Yah"* [Community movement in the Surgut District and the Yaun-Yah community]. *Severnyi region: nauka, obrazovanie, kul'tura* [Northern Region: Science, Education, Culture], 2014, no. 1 (29), pp. 35–43. (In Russian)
4. Vakhtin N. B. *Korennoe naselenie Kraynego Severa Rossiyskoy Federatsii* [Indigenous population of the Russian Far North]. Saint-Petersburg: Izd-vo Evrop. Doma Publ., 1993. 95 p. (In Russian)
5. Gyndybin M. I. *O dejatel'nosti rodovyykh obshchin Berezovskogo rajona* [About the activity of the ethnic communities in the Berezovsky District]. *Materialy rasshirennogo zasedaniya Assamblei predstavitelej KMNS Dumy HMAO 17 iyunja 2003 goda* [Materials of the expanded meeting of the Assembly of Representatives of the Indigenous Small-Numbered Peoples of the North of the Duma of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug on June 17, 2003]. Khanty-Mansiysk: [w/p], 2003. Pp. 28–29. (In Russian)
6. Kryazhkov V. A. *Status malochislennykh narodov Rossii. Pravovye akty i dokumenty* [Status of the small-numbered peoples of Russia. Legal acts and documents]. Moscow: Jurid. lit. Publ., 1994. 488 p. (In Russian)
7. Kurikov V. M. *Upravlenie aborigenami – delo ruk samih aborigenov* [Management by aborigines is a matter for aborigines themselves]. *Novosti Jugry* [Yugra News]. 1993, June 26. (In Russian)
8. Kurikov V. M. *Hanty-Mansijskij avtonomnyj okrug: s veroj i nadezhdoj – v tret'e tysjacheletie* [Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug: with the faith and hope into the third Millennium]. Yekaterinburg: Zevs Publ., 2000. 192 p. (In Russian)

9. Kurikov V. M. *O sozdanii struktury upravleniya ekonomicheskim bazisom malochislennykh narodov Severa* [About the creation of the management structure of the economic basis of the small-numbered peoples of the North]. *Materialy III Yugorskikh chteniy (Khanty-Mansiysk, 26–27 apr. 2000 g.)* [Materials of the III Yugra Readings (Khanty-Mansiysk, April 26–27, 2000)]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta Publ., 2001. Pp. 3–6. (In Russian)
10. Martynova E. P. *Aboriginnoe predprinimatel'stvo v Severnom Priob'e* [Aboriginal entrepreneurship in the Northern Ob region]. *Vestnik antropologii* [Bulletin of Anthropology], 2019, no. 2 (46), pp. 72–85. (In Russian)
11. Martynova E. P. *Tradicionnye otrasli hozjajstva obskikh ugrov: sovremennye adaptivnye strategii v rynochnoj jekonomike* [Traditional sectors of the Ob Ugric economy: modern adaptive strategies in the market economy]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2017, no. 7 (4), pp. 119–130. (In Russian)
12. Pika A. I., Prokhorov B. B. *Neotraditsionalizm na Rossiyskom Severe (etnicheskoe vozrozhdenie malochislennykh narodov Severa i gosudarstvennaya regional'naya politika)* [Neotraditionalism in the Russian North (ethnic revival of small-numbered peoples of the North and state regional policy)]. Moscow: Institut narodnohozyajstvennogo prognozirovaniya RAN Publ., 1994. 224 p. (In Russian)
13. *Osvoenie bez otchuzhdeniya. Materialy jekspertnogo oprosa* [Development without alienation. Materials of the expert survey]. Ed. by V. I. Bakshtanovskiy. Tumen: IPOS SO AN SSSR Publ., 1989. Vol. 1. 35 p.; Vol. 2. 40 p. (In Russian)
14. Permyakov A. I. *Sovershenstvovanie organizacionnykh form tradicionnykh vidov dejatel'nosti malochislennykh narodov Severa* [Improvement of organizational forms of traditional activities of the indigenous peoples of the Russian North]. *Materialy mezhdunarodnoj konferencii "Korennye narody. Neft'. Zakon" (Hanty-Mansijsk, 23–25 marta 1998 goda)* [Materials of the International Conference "Indigenous Peoples. Oil. Law" (Khanty-Mansiysk, March 23–25, 1998)]. Moscow: FKH LTD Publ., 2001. Pp. 71–74. (In Russian)
15. Pilyasov A. N. *I poslednie stanut pervymi. Severnaya periferiya na puti k ekonomike znaniya* [And the last will be the first. The Northern Periphery on the way to the knowledge economy]. Moscow: Librocom Publ., 2009. 544 p. (In Russian)
16. *Severnaya Sos'va (istoricheskie i sovremennye problemy razvitiya korennoho naseleniya)* [Northern Sosva (historical and modern problems of development of the indigenous population)]. Shadrinsk: Iset Publ., 1992. 76 p. (In Russian)
17. Fedorova E. G. *Natsional'nye obshchiny Sredney Sos'vy i ikh sozdateli* [National communities of the Middle Sosva River and their creators]. *Etnokul'turnoe nasledie narodov Severa Rossii: Kyubileyu doktora istoricheskikh nauk, professora Z. P. Sokolovoy* [Ethnocultural heritage of the peoples of the North of Russia: To the anniversary of the Doctor of History, Professor Z. P. Sokolova]. Moscow: August Borg Publ., 2010. Pp. 203–210. (In Russian)
18. Filippova N. A. *Asimmetrichnaya organizacija mestnogo samoupravleniya kak faktor uchastija v nem soobshhestv korenykh malochislennykh narodov Rossii* [Asymmetric organization of local self-government as the factor of participation in it of communities of indigenous peoples of Russia]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Social'no-jekonomicheskie i pravovye issledovaniya* [Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research], 2021, no. 7 (3/27), pp. 98–115. (In Russian)
19. Fondahl G. *Soupravlenie, potentsial soobshchestva i samoupravlenie* [Co-management, potential of community and self-government]. *Lyudi severa. Prava na resursy i ekspertiza* [Peoples of the North. Rights to Resources and Expertise]. Moscow: Strategiya Publ., 2008. Pp. 38–55. (In Russian)
20. Hirsch F. *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2022. 472 p. (In Russian)
21. Balzer M. The tension between might and rights: Siberians and energy developers in post-socialist binds. *Europe-Asia Studies*, 2006, no. 58 (4), pp. 567–588. (In English)
22. Fondahl G., Parlato N., Filippova V., Savvinova A. The Evolution of Forming "Territories of Traditional Nature Use" in the Sakha Republic (Iakutiia). *Sibirica*, 2021, no. 20 (1), pp. 1–27. (In English)
23. Slezkine L. Y. *Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North*. Ithaca: Cornell University Press, 1994. 476 p. (In English)
24. Wiget A., Balalaeva O. National Communities, Native Land Tenure and Self-Determination Among the Eastern Khanty. *Polar Geography*, 1997, no. 21 (1), pp. 10–33. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Абрамов Илья Викторович, научный сотрудник лаборатории исторической географии и регионалистики, Тюменский государственный университет (625000 Российская федерация, г. Тюмень, ул. Ленина 23); научный сотрудник, Институт истории и археологии УрО РАН, магистр географии.

ilya_abramov@list.ru

ORCID 0000-0002-8772-0566

ABOUT THE AUTHOR

Abramov Ilya Viktorovich, Researcher, Laboratory of Historical Geography and Regional Studies, Tyumen State University (625000, Russian Federation, Tyumen, Lenina Str., 23); Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Master of Geography.

ilya_abramov@list.ru

ORCID 0000-0002-8772-0566